

С.В. Цыб

Святитель Димитрий Ростовский – первый русский хронолог

В год празднования 2000-летнего юбилея Рождества Христова особое внимание привлекает история возникновения и распространения той системы времяисчисления, которую мы называем «нашей эрой» и которая стала сейчас одним из характерных признаков современной цивилизации. Созданная в VI в. н.э. римским монахом Дионисием Малым для христианских пасхальных расчетов, она прошла длительный путь светского признания и только в Новое время стала общечеловеческим достоянием. Решающие заслуги в популяризации эры от Рождества Христова в Европе принадлежали французским историкам XVI–XVII вв. (Ж.-Ж. Скалигер и Д. Петавий), превратившим церковный и государственный счет лет в универсальное летосчисление исторической науки. Научившись представлять свою историю в виде безостановочной череды лет эры Дионисия, человечество наконец-то стало воспринимать эту систему учета времени как один из неотъемлемых атрибутов своей культуры. До XVIII столетия в России летосчисление от Рождества Христова применялось лишь в единичных случаях и чаще всего в бытовой письменности. С 1 января 1700 г. Петр I сделал его официальным государственным счетом вместо применявшегося ранее летосчисления от начала мироздания. Предвидя противодействие своей времяисчислительной реформе со стороны определенной части русского общества и особенно со стороны церкви, Петр разрешил использование как старого, так и нового способов счета лет [1, с. 680–682], но можно даже не сомневаться в том, что любыми средствами, вплоть до самых жестоких, он внедрил бы свое новшество в России. Суровых мер, однако, в этом случае не потребовалось. Эра от Рождества Христова очень быстро завоевала признание и образованной части общества, и простого народа, и православного духовенства. Как и в Западной Европе, этому немало способствовала историческая наука, уже в XVIII в. создавшая хронологическую шкалу отечественной истории в годах нашей эры. Право называться основателем историко-хронологического знания в России принадлежит человеку, которого Русская православная церковь называет святым и имя которого носит один из церковных храмов нашего города. Это – ростовский митрополит Димитрий (1651–1709).

Его заслуги в области исторической хронологии сейчас совершенно забыты. Упоминания о них

Святитель Димитрий митрополит Ростовский. Парсуна XVIII в. Из издательского отдела Московского патриархата

современный читатель не встретит ни в научной литературе (см., например: [2, с. 1–43; 3, с. 61–71]), ни в церковных службах [4, с. 76–80]. Такая ситуация не удивительна для советского времени, когда господствовал воинствующий атеизм, но странно, что и дореволюционные биографы Димитрия не уделяли специального внимания его хронологическим сочинениям [5–7].

Биография Димитрия (мирское имя – Даниил Туптало) разделяется на два периода. С момента своего пострига в монастырской церкви в Каневе в 1668 г. более тридцати лет он был неприметным представителем малороссийского духовенства, в целом еще оппозиционного Московской патриархии. В эти годы, правда, Димитрий прославил себя как сочинитель новой редакции Миней-Четиих, что считается ныне одной из главных прижизненных заслуг угодника. В начале 1701 г. в жизни будущего святого происходит важная перемена: по личному распоряжению Петра I он был вызван в столицу и хиротонисан в епископы. Факт внимания царя-реформатора к личности Димитрия нельзя

назвать случайным. Чувствуя противодействие своим преобразованиям со стороны московского духовенства, Петр I целенаправленно осуществлял ослабление патриаршей власти и при этом решил опираться на украинское священство. Совсем не случайно местоблюстителем патриаршего престола после смерти Адриана в 1700 г. стал митрополит Стефан (Яворский), выходец из Киево-Печерского монастыря и личный друг Димитрия. Кроме всего прочего, малороссийское духовенство импонировало царю своей высокой образованностью европейского образца; например, в Киевской митрополии уже давно использовалась в церковном летосчислении эра от Рождества Христова, с которой никак не могли примириться церковные круги Москвы.

В январе 1702 г. Димитрий принял кафедру в Ростове Великом. Активная деятельность по обустройству дел епархии сочеталась у него с устремлением к творческой литературной работе, о чем он проинформировал в послании одного из своих знакомых: «Возжелал от скуки, аще Господь восхощет, сочинить летописец вкратце за келлию» (цит. по: [6, с. 416]). В другом послании приводится иная мотивация: «Помню, в нашей малороссийской стороне трудно о Библии славенской, весьма мало где обретаются и купити едва достанет кто, и редко кто из духовного чина ведает порядок историй библейских, что когда происходило... И для того хотел бы, аще бы поспешил Господь, вкратце библейную историю преподать таковым для ведания книжицею не зело великою и умеренною, чтобы мог всяк не дорого купити и удобно о всех, яже в Библиях, уведомити историях, каковым идут порядком» (цит. по: [6, с. 419–420]). Итак, к 1705 г. ростовский митрополит приступил к написанию «летописца вкратце», где он собирался изложить все библейские события от Адама до евангельских времен в хронологической последовательности.

Это сочинение, получившее в научной литературе название «Келейный летописец» (от слов самого Димитрия «летописец за келлию»), было написано им в основной части к 1707 г. К началу нашего столетия насчитывались сотни списков этого произведения, текстологическое исследование которых так и не было до сих пор проведено. В печатном варианте оно называлось «Летопись иже во святых отца нашего Димитрия...» и издавалось несколько раз: в 1784 г. в Москве (в книгу была добавлена автобиография Димитрия, которая ошибочно и была названа здесь «Келейной летописью»), В.С. Сопиковым в 1796 г. в Санкт-Петербурге, там же в 1799–1800 гг. Ф. Розановым под наблюдением Синода и, наконец, в составе «Сочинений святителя Димитрия», издававшихся дважды в Москве в 1805–1807 гг. и в 1857 г. По мнению И.А. Шляпкина, самого тщательного из биографов Димитрия,

наиболее полным и исправным было издание Ф. Розанова [6, с. 423, 430], которое мы и будем использовать для знакомства с первым российским научно-хронологическим сочинением [8].

Источники «Келейного летописца» полностью, к сожалению, не выявлены. Ограничиться только Библией Димитрий не мог, поскольку этот источник не имел прочной и последовательной хронологической шкалы, что довольно отчетливо было осознано автором «Летописца»: «Но сие удивительнейше есть, яко в самых Божественных Писаниях Библиях несогласное обретається летосчисление... В таковых убо недоуменных вещах, аки в лабиринфе, како возможно обрести по Библии путь летам правый и известный? Но и от самого начала бытия Мира до Христова Рождества по Библиам лета исчисляти зело неудобно, замолчанным сущим летам на многих местах, а инде не согласующим» [8, ч. 1, с. 124–125, 135–139]. Не будем забывать также, что в начале XVIII в. проблема определения канонического текста Библии в России еще не была решена; недаром Димитрий всегда упоминал не одну, а несколько «Библий славенских». Именно поэтому сочинителю пришлось полагаться в составлении последовательного описания библейской истории на другие источники. Прежде всего это были «русские хронографы мнози» (в тексте упоминаются «Московский хронограф» и Киевский печатный Синописис 1680 г.) и близкие к ним по содержанию и хронологической структуре сочинения греческих авторов (Георгий Кедрин, Дорофей Моневасийский, Никифор Ксанфопул). Кроме того, Димитрием использовались и многие «римские хронографы», под которыми он подразумевал литературные, хроникальные и богословские сочинения латиноязычных авторов, начиная с Овидия и Виктора Аврелия и оканчивая М. Стрыйковским и И.-Х. Альштедом. Известны ему были и произведения Бероса (в греческом переложении), Иосифа Флавия, равнинские и христианские толкования библейских текстов и пр.

Понятно, что такие разнообразные источники нуждались в согласовании и, прежде всего, в увязке их хронологических показаний. Что оставалось делать в такой ситуации писателю, с юношеских лет привыкшему к обращению с летосчислением от Рождества Христова? Ничего иного, как основательно заняться пересчетом греко-российских хронографических и латинских хроникальных датировок на знакомую и привычную эру летоисчисления, или, другими словами, производить научно-хронологическую редукцию.

Исследовательский характер расчетов митрополита Димитрия очевиден буквально с первых же страниц «Келейного летописца», мало похожего, кстати, на «книжицу не зело великою и умеренною». Так, закончив красочное изложение начальных сюжетов мироздания и переходя к описанию гре-

хопадения Адама, автор оказался в чрезвычайном затруднении, поскольку не мог назвать точный срок «райского периода» человеческой истории и ограничился лишь перечислением всех известных ему версий (от шести часов до ста лет). Понимая, что при таких хронологических разногласиях его основная задача («о всех, яже в Библиях, уведати историях, каковым идут порядком») становится невыполнимой, Димитрий решает надолго отвлечься от основной канвы своего повествования и, пусть даже ценой ломки сюжета, определить для себя и для читателей принципы расстановки событий во времени. Именно так в «Келейном летописце» появились две относительно самостоятельные главы («О несогласном числении лет известие» и «Хронология по Библиах славенских и хронографах...»), которые представляют собой не что иное, как первый русский научно-хронологический трактат и первую синхронистическую таблицу, сопоставляющую летоисчислительные показания всех источников [8, ч. 1, с. 99–152]. Фиксируя и анализируя их сходства и отличия, сверяя их с естественной последовательностью событий, хронолог отдает предпочтение самым оптимальным, на его взгляд, вариантам: так, например, определяя продолжительность жизни ноевского сына Сима, он предпочитает версию «римских хронографов» и, наоборот, лета жизни пророка Самуила вычисляет по показаниям Георгия Кедрина [8, ч. 1, с. 106, 119–121] и т.д. Впрочем, часто он признает невозможность установления точной хронологии тех или иных событий библейской истории.

Однако в «Келейном летописце» Димитрия Ростовского мы не наблюдаем еще научно-хронологического исследования в завершенном и окончательном виде. Во-первых, этому помешало задуманное автором ограничение рамок сочинения: как мы помним, он намеревался довести «Летописец» только до Рождества Христова, но полноценная редукция могла производиться лишь после этого рубежа, так как пролептический счет лет (отсчет лет от Рождества в обратную сторону, до Рождества) ростовскому митрополиту был не знаком. Именно поэтому и в «Хронологии...», и в основном тексте «Келейного летописца» он ориентировался в датировках на традиционный для православия исходный пункт – сотворение мира. Во-вторых, полноценной редукции помешала и неопределенность Димитрия в датировании времени Рождества Христова, поскольку автор так и не смог примирить вопиющие противоречия источников в определении этой даты [8, ч. 1, с. 135–150]. Как раз поэтому Димитрий отказался от годичного изложения библейской истории и заключил хронологическую статью такими словами: «А понеже предложившу ми собрати вкратце деяния бывшая от начала Мира, не возможно сотворися написовати лет именно,

что в какое лето деяся... Того ради судих расположити времена по сто лет и изобразити на дницах с ключем Пасхалии... Дницы же тыи летоисчислительные при ключе пасхальном имут неложные летоисчислению свидетели сия – крузи солнечный и лунный... а при тех и седмочисленник, в руце лето сказуюш» [8, ч. 1, с. 150–151]. Действительно, весь дальнейший текст «Келейного летописца» разбит на главы, каждая из которых заключает в себе 100-летний отрезок времени и которым предшествует таблица с указанием пасхальных терминов (Круги Солнца, Круги Луны, Вруцелето). Такие таблицы Димитрий не успел вычислить для всех описанных им веков: последняя таблица охватывает 2900–3000 гг. от сотворения мира [8, ч. 2, с. 20–21], тогда как повествование продолжается до 3600 г. от Сотворения.

То, что митрополиту-хронологу не удалось в полной мере воплотить в «Келейном летописце», было сделано им в других его сочинениях. В краткой летописи из «Диария», доведенной от сотворения мира до своего времени, все даты, последующие за Рождеством, в том числе и даты российской истории, Димитрий пересчитал на эру Дионисия [9]. То же самое мы наблюдаем и в «Росписи митрополитов киевских» [10], и в двух неопубликованных трудах первого русского хронолога («Летописание краткое константинопольских царей и патриархов» и «Каталог, или Летописание бытности архиереев российских» (о них см.: [11, с. 132–133])).

Хронологические расчеты ростовского митрополита были сродни по своей сути и методике редукционным операциям «отцов» западноевропейской хронологии – Ж.-Ж. Скалигера и Д. Петавия, а в некотором смысле даже превосходили их тем, что проводились с использованием критической проверки информации одних источников сведениями других. Само появление в исторических исследованиях редукционного метода и, как следствие, возникновение научной хронологии были важными явлениями и знаменовали прогрессивный сдвиг в мировом историческом знании. Получив возможность с помощью редукции синхронизировать хронологическую информацию различных источников, исследователи открыли дорогу к познанию причинно-следственных связей в исторических событиях и к унификации понятийного аппарата своей науки.

Западное влияние на хронологические воззрения русского священника безусловно, однако непосредственно связывать зарождение отечественной хронологической науки с Западной Европой невозможно. Так, очевидно, что с сочинениями Ж.-Ж. Скалигера, Д. Петавия и других «классиков» европейской хронологии XVI–XVII вв. Димитрий не был знаком, поскольку этих книг не было в его библиотеке [12] и они не входили в число «римских хронографов» – источников «Келейно-

го летописца». Можно признать поэтому, что Димитрий Ростовский вполне самостоятельно основал в российской исторической науке то исследовательское направление, которое на Западе появилось столетием раньше и которое мы сейчас условно называем «механистической хронологией». Свою главную цель сторонники этого направления усматривали в том, чтобы с помощью редукции выстроить исторические события именно в том порядке, в котором они происходили на самом деле. Главным же недостатком механистической школы было стремление производить редукционные расчеты произвольно или же на основании самых общих, чаще всего умозрительных представлений о правилах учета времени в древности и современности. Так, к примеру, Димитрий Ростовский для получения даты по эре от Рождества Христова во всех случаях не задумываясь (т.е. почти механически) вычитал из датировок русских средневековых источников цифру 5508 (количество лет от сотворения мира до Рождества) и считал, что редукция проведена безукоризненно. Если уместным будет такое сравнение, то можно сказать, что хронологи-механисты XVI–XVIII вв. уподоблялись тем картежникам, которые пытаются навести порядок в разбросанной колоде карт и руководствуются при этом только знанием об их старшинстве, но совершенно не учитывают деления на масти.

Заслуги ростовского митрополита в создании отечественной хронологической науки, как уже говорилось, к настоящему времени оказались полностью забытыми. Именно поэтому и появилось мнение о приоритете в этой области младших современников Димитрия – «отца русской истории» В.Н. Татищева или даже мало примечатель-

ного преподавателя Московского университета Ф.-Г. Дильтея [13, с. 144], хотя, например, тот же В.Н. Татищев, прямо ссылаясь на сочинения Димитрия и явно подражая «Келейному летописцу», поместил в начальной части «Истории российской» хронологическую главу [14, с. 125–128], но при этом, однако, не догадался пересчитать древнерусские датировки на современный счет.

Забвение историко-хронологических открытий Димитрия во многом определялось позицией Русской православной церкви, которая постаралась не вспоминать о них и при обретении мощей святителя в 1752 г., и в момент написания его канонического жития, и при составлении службы новоиспеченному святому (1758 г.), и в последующие времена. Причина в данном случае ясна: как бы то ни было, но хронологические разработки Димитрия объективно способствовали развитию критических взглядов на православные догмы и поэтому не могли находить полного понимания в церковной среде. Достаточно хотя бы вспомнить, что летосчисление Библии Димитрий сравнивал с «лабиринфом»! Известно, что уже в конце 1707 г. Стефан (Яворский), ознакомившись с начальными главами «Келейного летописца», в одном из посланий упрекал Димитрия не только в отступлении от традиционной схемы описания ветхозаветной истории по четырем периодам-векам, но и в смаковании хронологических противоречий Библии и других источников, что играло, по его мнению, на руку раскольникам и еретикам [6, с. 418–419]. Думается, что в настоящее время не только научная, но и церковная историография должны восполнить этот пробел в заслугах святителя Димитрия.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб., 1830.
2. Каменцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1979.
3. Свердлов Б.М. Изучение древнерусской хронологии в русской и советской историографии // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. V. Л., 1973.
4. Акафист святителю и чудотворцу Димитрию, митрополиту ростовскому // Православный церковный календарь: 1987. М., 1986.
5. Нечаев В.П. Святой Димитрий, митрополит ростовский. М., 1849.
6. Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб., 1891.
7. Вертеловский А. Святой Димитрий Ростовский и его творения // Вера и разум. 1910. №1.
8. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита ростовского чудотворца, сказующая деяния от начала Миробытия до Рождества, собранная из

Божественного Писания, из различных хронографов и историографов греческих, римских, польских, еврейских и иных. Ч. 1, 2. М., 1799–1800.

9. Диарий св. Димитрия // Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. Приложение.

10. [Димитрий (Туптало Д.)] Роспись митрополитов киевских с кратким летописанием // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год: Издал в свет В.Г. Рубан. [М.,] 1775.

11. [Евгений (Болховитинов Е.А.)] Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. I. СПб., 1827.

12. Роспись книг умершего св. Димитрия // Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. Приложение.

13. Шанский Д.Н. Историческая мысль // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 3. М., 1988.

14. Татищев В.Н. История российская. Т. I. М.; Л., 1962.